

И.М. Стеблин-Каменский

**АНЕКДОТЫ ПРО ВОСТОКОВЕДОВ — 3
(ТРЕТЬЯ СЕРИЯ)**

В нашем обществе все сведения о мире ученых исчерпываются анекдотами о необыкновенной рассеянности старых профессоров и двумя-тремя остротами, которые приписываются то Губеру, то мне, то Бабухину. Для образованного общества этого мало...

А.П. Чехов. Скучная история. Из записок старого человека. I.

✳ Александр Михайлович Решетов много делает для истории нашей науки, работает в архивах, пишет очерки и воспоминания о наших учителях, коллегах и предшественниках. Оценил он и мой скромный вклад в историю востоковедения в жанре анекдота (Стеблин-Каменский 2003; 2006) и согласился принять в дар по случаю своего дня рождения очередную порцию образчиков этого жанра.

Во вводных замечаниях к двум предыдущим публикациям были высказаны некоторые общие соображения по поводу значения анекдотов как исторического источника, а также изложены основные принципы подачи материала. Здесь они те же: в скобках после анекдота указывается, от кого или где взята информация и время сообщения. Прилагаются самые краткие биографические сведения об упомянутых персонажах и рассказчиках и библиография.

Все приводимые истории, безусловно, претендуют на достоверность и относятся именно к тем востоковедам, которые в них фигурируют (за небольшими исключениями, когда какие-то изречения или эпизоды приписываются не одному, а двум-трем лицам). В этом существенное отличие этих историй от сборников типа приписываемых, например, Фаине Раневской шуток и анекдотов. Несколько раз переиздававшиеся, сборники эти явно все больше и больше пополняются заимствованными расхожими и не принадлежащими акт-

рисе афоризмами и не относящимися к ней анекдотами (Издатель И.Е. Богат и составитель Игорь Захаров признают это сами, см. одно из последних изданий (Раневская 2006: С. 4).

Многие из публикуемых ниже анекдотов передавались мне в письменной форме, за что особенно благодарю Я.В. Василькова, И.С. Клочкова, С.Р. Тохтасьева, А.Л. Хосроева и всех коллег, приславших мне тексты по обычной и электронной почте, передававших свои заметки и, разумеется, рассказывавших анекдоты при встречах или по телефону. В отдельных случаях я считал возможным несколько отредактировать полученные тексты, а также уточнить достоверность передатчиков («иснад», как это принято при ссылках на исламские хадисы). Два анекдота даются в двух версиях — расхожей и другой, непосредственно восходящей к первоисточнику. Искажения при устной передаче, как видим, минимальные, сам факт события, создавшего анекдотическую ситуацию, сохраняется и при последующих передачах.

В первой еще публикации я обещал Г.М. Бонгарду-Левину опубликовать анекдоты и о нем, что и было выполнено (Стеблин-Каменский 2006: 39). Но вот в этой подборке впервые приводится анекдот и о самом нашем юбиляре, Александре Михайловиче, который всегда отличался большим чувством юмора. Вообще из этих простеньких историй отлично представляется характер наших коллег. Так, Бободжан Гафурович Гафуров, несмотря на все свои партийные и академические регалии, предстает исключительно добрым, мудрым и обаятельным человеком. Забавные истории о нем предполагается собрать отдельно.

***

По поводу яфетических теорий и родства грузинского языка с семитскими академик Залеман говорил Марру:

— У Вас все звуки переходят во все звуки...

(Абаев В.И. Н.Я. Марр (1864–1934). К 25-летию со дня смерти // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 93).

***

О практической пользе изучения древних и мертвых уже языков, для многих неочевидной.

Игорь Михайлович Дьяконов служил на Северном фронте переводчиком. Однажды привели пленного немца, который отказывался давать какие-либо показания. Он был явно аристократического происхождения и весьма интеллигентного вида. Держался чрезвычайно высокомерно.

— Чем вы занимались до войны? — поинтересовался Игорь Михайлович.

— До войны я занимался готским языком, но вряд ли вы знаете, что это такое...

— Почему же, — оживился Игорь Михайлович, — я знаю по-готски.

— Не может быть, — возмутился военнопленный, — это мертвый язык, на котором не говорят уже тысячу лет.

— А если я заговорю по-готски, что вы тогда скажете?

— Ну, тогда я расскажу вам всё, что вы хотите...

Тут Игорь Михайлович начал наизусть читать по-готски*.

Изумленный немец пришел в восторг и полностью «расколотся», рассказал все, что знал.

---

* По всей видимости, это могла быть молитва «Отче наш» на готском языке, от которого до нас дошло несколько отрывков из перевода Евангелия, сделанных полторы тысячи лет тому назад.

(Н.Я. Дьяконова, 15 января 2007 г.)

***

В начале войны, зимой за Петром Викторовичем Ернштедтом, крупнейшим специалистом по коптскому языку и издателем коптских текстов, пришли люди в военной форме и приказали:

— Товарищ Ернштедт, вы нам нужны, собирайтесь!

Перепуганная супруга быстро собрала всё, что можно в таких обстоятельствах, и Петра Викторовича увезли на машине.

Привезли его в воинскую часть, как оказалось, кавалерийскую. Командир привел его в конюшню и сказал:

— Товарищ Ернштедт, у нас беда! Началась война, а у лошадей на морозе потрескались копыта, просим срочно помочь!

— Но что же я могу сделать, — растерялся ученый.

— Нам же сказали, что вы самый главный *копытолог* Советского Союза...

Эту версию пересказывали многие коллеги, а слушатели иногда высказывали недоверие и говорили, что это придумано. Но вот несколько отличная версия, которой нельзя не доверять:

Поздно вечером в декабре 1941 г. в квартиру выдающегося отечественного коптолога Петра Викторовича Ернштедта позвонили

двое в военной форме. Такие вечерние визиты были тогда всем печально известны, и хозяева не сомневались, чем это закончится. Петра Викторovichа увезли на машине, но через несколько часов после ночи он неожиданно вернулся и со смехом (что было для него большой редкостью) рассказал: Привезли его в какое-то учреждение, и начальник заявил ему, что, поскольку лошади в конных частях на фронте страдают от сильных морозов, он немедленно должен быть мобилизован и отправлен на фронт, где требуются его знание и помощь. На недоумение Петра Викторovichа начальник раздраженно сказал:

— Какие еще ко мне вопросы? В вашем деле написано: «Ернштедт — ученый-копытолог».

Петр Викторovich потом говорил, что никогда еще ему не приходилось рассказывать о копах и коптологии в таких условиях.

(А.Л. Хосроев, 12 февраля 2007 г. А.Л. Хосроев слышал эту историю в 70-е годы от вдовы Ернштедта Ольги Карловны (1896–1980) и в то же примерно время от А.И. Доватура)

***

Магомет Измайлович Исаев вспоминал, что после поступления на Восточный факультет его одноклассники во Владикавказе спрашивали:

— Ну, кем же ты будешь после окончания?

— Иранистом ...

— *Иранистом*, стой, это что, ты анекдоты будешь собирать или как?

Зря я тогда посмеялся над ними. Свидетельство — Ваши (И. С.-К.) статьи «Анекдоты про востоковедов».

(Из письма М.И. Исаева от 19 февраля 2005 г.)

***

На экзамене по языкознанию первокурснику А.В. Бондарко достал билет «Критика идеалистических идей И.И. Мещанинова и “нового учения” о языке в свете гениальной работы И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”».

Экзамен принимал академик Мещанинов. Студент робко показал билет и вопросительно посмотрел на экзаменатора.

— Давайте поговорим о типологии, — предложил Иван Иванович.

(А.В. Бондарко, 16 апреля 2004 г., ИЛИ РАН)

На очередном заседании (конец 40-х годов) прорабатывали «безродных космополитов». Когда кто-то начал «громить» аспиранта Эткинда, сидевший в президиуме Александр Александрович Смирнов вынул из кармана носовой платок и накрыл им голову.

Парторг толкает своего соседа по президиуму Виктора Максимовича Жирмунского и шепчет ему:

— Товарищ Жирмунский, скажите Смирнову, чтобы он немедленно прекратил это безобразие!

— Саша, тебе плохо? — спрашивает Виктор Максимович.

— А тебе, Витя, хорошо? — осведомился А.А.

(Я.В. Васильков, 1994 г.)

***

Нина Викторовна Пигулевская, проведенная в тюрьмах, лагерях и ссылках немало лет*, сидит в кабинете ЛЮ ИВ. Открывается дверь, входит Э.Н. Тёмкин, ученый секретарь.

— Ой, смотрите, — восклицает Нина Викторовна, — Троцкий пришел, только ноги подрезали!

Эдуард Наумович носил «троцкистскую» бородку и публично высказывал свои марксистские симпатии, на какой-то юбилей ему однажды даже подарили, по его просьбе, Полное собрание сочинений, то ли Маркса–Энгельса, то ли Ленина**.

* С 1928 по 1934 г.: Люди и судьбы: 301–301.

** Когда Тёмкин ушёл из Института, то связки этих томов, говорят, довольно долго валялись в коридоре.

*(В.А. Дроздов, со слов А.Л. Вассоевича,
30 ноября 2006 г.)*

По сообщению А.Л. Вассоевича (17 февраля 2007 г.), Н.В. Пигулевская сама заглянула в кабинет ученого секретаря, отпрыгнула и, захлопнув дверь, воскликнула:

— *Вылитый Троцкий!*

— *Не совсем, — поправил ее проходивший мимо Исаак Григорьевич Лившиц, видевший в Москве Троцкого, — Троцкий был гораздо выше...*

***

Академик Иосиф Абгарович Орбели иногда бывал довольно резок со своими сотрудниками, к Н.В. Пигулевской обратился как-то высокомерно.

— Как он смеет со мной так разговаривать! — возмутилась Нина Викторовна где-то в коридоре ЛО ИВ. — Ведь я же ученый с европейским именем!

Доложили Иосифу Абгаровичу, и он подытожил:

— Дура-Эвропос!*

* Дура-Эвропос — название эллинистического городища, знаменитые раскопки в среднем течении Евфрата.

(А.Л. Хосроев, январь 2007 г.)

***

В московском Институте востоковедения афганист Шафеев, автор неплохого очерка афганского языка (Шафеев 1995), выпив и явившись на работу, любил, как выражались, «проводить досмотр женского персонала». Дамы пожаловались в профком. Председатель профкома доложил директору академику Б.Г. Гафурову. Бободжан Гафурович вызвал заведующего Отделом языков Дворянкова и наказал:

— Николай Александрович, ты по утрам обнюхивай товарища Шафеева, и если почувствуешь, что он больной, ты его отправляй домой и говори, что он работает в библиотеке имени Ленина, а то женщины на него жалуются.

Так и продолжалось некоторое время. Дворянков обнюхивал Шафеева, если замечал, что от него пахнет, то заворачивал обратно. Но однажды Дворянков, который сам был далеко не трезвенником, был на каком-то дипломатическом приеме и после этого не очень внимательно обнюхал Шафеева. Тот прорвался в Отдел и устроил там «великий досмотр» или, как говорили, «гранд-пальпацию»: визги и негодование! Обиженные дамочки воззвали к начальству.

Бободжан Гафурович вызвал Дворянкова и строго (но с усмешкой) сказал:

— Товарищ Дворянков, я же тебя просил внимательно обнюхивать товарища Шафеева, а ты обнюхал его не-бдитительно. Теперь придется задним числом выдворить его на пенсию...

(В.А. Лившиц, 1990-е)

***

В Ленинградское отделение Института востоковедения поступала успешно окончившая Восточный факультет и аспирантуру ассириолог Голда (в просторечии Алла) Хаимовна Каплан. Дирекция брать ее отказывалась. Настаивавший на ее принятии заведующий кабинетом Древнего Востока Игорь Михайлович Дьяконов пожаловался институтскому кадровику Г.М. Ножке, бывшему особисту,

отставнику-полковнику, человеку суровому, резкому, но справедливому. Было это в те годы, когда начались выезды в Израиль.

— Ну как мы ее примем, — возмущался директор Института Юрий Ашотович Петросян, — мало того, что ее Голдой зовут, она еще и Каплан, а это уже ни в какие ворота. Мы ее примем, а она возьмет и уедет в Израиль!

— Ничего не понимаю, — недоумевал Григорий Мефодиевич, — про Голду Меир, тем более про Фанни Каплан каждый школьник знает. Все же она и не Меир, и не Фанни*, а наше советское государство пять лет оплачивало ее обучение в университете и еще три года в аспирантуре! А, по-вашему, выйдет, что государственные деньги будут пущены на ветер!

Петросян не нашелся, что возразить, и Аллу приняли на работу в ЛО ИВ АН.

---

* По сообщению Г.Х. Каплан, у нее была тетка по имени Фанни (полная тезка покушавшейся на Ленина эсерки).

(С.Р. Тохтасьев, 2005)

***

В начале 1980-х годов в секторе Древнего Востока на доклад Иосифа Давидовича Амусина по библеистике и о находках рукописей Мертвого моря собралось много народа, помещение с трудом вмещало желающих послушать знаменитого ученого, да и тема была по тем временам необычной. В прениях по докладу все восторженно хвалили его, подчеркивали необходимость быстрее публикации... Последним слово взял Исидор Геймович Левин. Он был сдержан и краток:

— Всё сказанное здесь, как я доказал уже более сорока лет тому назад в одной из своих статей на эту тему, — неправильно.

— Что-то я не припоминаю такой вашей статьи, — растерялся Амусин.

— А вы и не могли читать этот труд, он не был опубликован, а рукопись, в числе прочих, пропала в эвакуации во время войны, — заключил Левин.

Никто не проронил ни слова.

(С.Р. Тохтасьев, 12 января 2007 г.)

***

Добрый приятель, арабист Володя Климентов рассказывал, что спросил однажды у Бориса Румянцева, секретаря директора Института востоковедения Б.Г. Гафурова:

— Слушай Борис, а чего это Клочкова опять за границу не пустили?
— За книги.
— Какие книги, Боря?
— Сам знаешь какие.
— Чего, нашли у него что?
— Зачем? Чего там искать? И так ясно, что есть они у него. Ну, понятно, и пускать его не надо. У него и так уже всё есть...
(И.С. Клочков, январь 2007)

***

Наши выпускники-арабисты в 1960–1970-е годы всегда были «востребованы». Всё-то их хотели под погоны загрести. Законопослушный Володя Полосин раз шесть или семь отрубил по полгода в Турции, в Марах, место, знаю, суровое. И тут в Москве появляется их учитель с военной кафедры Лев Львович Тхоржевский, и говорит:

— Хватит, ребята, давай ко мне, в Воентехиздат — Москва, прописка, квартира, дело сделали — и по домам!

Пошли. Переводят на арабское наречие описание военной техники: пушки, танки и т.д. Но каждый год что-то меняется: глушитель, колесо или другой техузел. Они честно переводят. А начальство всякий раз оформляет это как новый перевод всей книги... Гром грянул в английской редакции, где 35 раз заплатили за перевод описания одного и того же танка (с минимальными изменениями — другой, мол, там глушитель или что-то еще). Потом дошли до арабистов. А ребята что? — Да, получили, мол, за новый глушитель (3 страницы), за редактуру, за сверку, за вычитку и проч.

— Как так? А ведь выписано на весь танк — 400 страниц.

— Этого не знаем, это не нашего ума дело...

Долгое разбирательство. «Учитель» сидит в военной тюрьме, ребята тягают в военную прокуратуру. Как, мол, так, что же такое? Ну понятно, что мелочи, говорить не о чем, не в них дело. Но...

Следователь (тоже, кстати, арабист, но не наш, а московский, не стану называть его фамилии, вроде на Р.^{*)}, грозно спрашивает:

— Расскажите, как вы делили преступно нажитые деньги?

Слава Блохин отвечает честно, как положено на следствии:

— Путем простых арифметических действий.

— Это как?

— Ну путём сложения, вычитания и деления...

Больше вопросов не было. Ребята хорошо отделались, да еще ни за что.

---

* Рысс?

(И.С. Клочков, январь 2007 г.)

***

В 1960-е годы курс «Истории КПСС» читал на Восточном факультете некто Шнейвас, по прозвищу «папа Шнейвас», имя-отчество запамätовано.

Редкостный был человек. Много лет он обличал товарища Сталина и хвалил товарища Никиту Сергеевича Хрущева.

Как-то на семинаре спросили:

— А вот сейчас тоже хвалят Никиту Сергеевича, это не культ личности?

— Ну что вы, — возмутился «папа Шнейвас», — это же совершенно разные вещи, это совсем другое...

В октябре 1964 г. вдруг «сняли» товарища Н.С. Хрущева. Шнейвас пропустил одно занятие. Придя на следующее, он начал его так:

— Мерзавец! Пробрался на руководящий пост. И ведь за десять лет ухитрился столько натворить, что тот за 30 лет не сделал...

Принимал «папа Шнейвас» экзамен в аспирантуру по истории КПСС (или что-то такое) у Вячеслава Михайловича Платонова и Бориса Лемешко. Платонову попал «хороший билет». Слава бойко отвечает, Шнейвас кивает головой.

— Правильно, правильно. Всё правильно вы, молодой человек, говорите, но что-то убеждённости в вашем голосе я не чувствую. Я вам «четверку» поставлю...

— Ведь какой, сука, прозорливец оказался, — восхищался Борис Лемешко, когда года через два-три В.М. Платонова арестовали за крепкую причастность к антиправительственной организации (ВСХСОН)*.

---

* По делу ВСХСОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа — организация была создана Игорем Вячеславовичем Огурцовым в 1964 г.) аресты среди восточников и востоковедов проводились в 1967 г.

(И.С. Клочков, январь 2007)

***

«Папа Шнейвас», читавший историю КПСС на Востфаке, как-то представил себя так:

— Ну кто я такой? Я — доцент ЛГУ. Что у меня есть? Ну, квартира, ну дача, ну машина. Но я ею почти не пользуюсь. Я люблю пройтись пешком по нашему любимому городу, любуюсь памятниками революционного и исторического прошлого. Хорошо! Чего еще? А ведь бывают люди, которые всю ночь крутят ручки приёмника. Зачем? Зачем все это?

И вдруг пасмурный голос из последних рядов:

— Хотят знать правду!

— А-а-а! Кто это сказал? Кто это сказал?

— Ну я это сказал, — встаёт угрюмый молчун Вася Павликов, молчаливый, но грозный был человек.

Пошли объясняться в деканат. Но там почему-то Шнейвас правды не добился... Вот если б Вася Павликов повел Шнейваса, то правды не добился бы Вася. Не надо ходить в деканат лишний раз...*

---

* Говорят, что в 1970-х уже годах студент Зеленеv пожаловался в деканат на очередного преподавателя ка-пэ-эс-эсеника, который объяснял что-то не в полном соответствии с очередной партийной линией, пришел в деканат со своим отцом — отставником-генералом, но «правды» тоже не добился...

(И.С. Клочков, январь 2007)

***

В 1970-е годы московский Институт востоковедения охватила шахматная лихорадка*. Играло едва ли не большинство мужского сословия, благо укромных закутков под лестницами и в каких-то клетушках было много. С утра до вечера идет игра «на вылет»: кляц-кляц, — щелкают шахматные часы.

Играли все, но настоящих игроков было трое: наш Эдвин Арвидович Грантовский (но он-то по-настоящему шахматам учился: был, говорят, кандидатом в мастера) и два бойца-практика: Нафтула Аронович Халфин, очень вовремя выпустивший книгу про англо-афганскую войну «Победные трубы Майванда» (1980), в самом начале советского вторжения в Афганистан, и доктор Рабинович («Сорок веков индийской литературы»). Пламя и лёд.

И вот сходятся в страшном сражении.

— Ага-а, Рабинович, — грозно вопит громкий Халфин, увидев перед собой нового соперника.

— Е-2 — Е-4! Вперед, бей жидов! — гремит Халфин.

— Ну если уж тут кто и жид, так это вы, Нафтула Аронович, — тишайше отвечает Рабинович.

А за спинами игроков почтительно стоим мы, молодежь, и только восторженно материмся вполголоса, когда ход слишком хорош.

— Знаете, книжка у него так себе, но играет он очень точно, — хвалил Рабиновича Эдвин Арвидович.

Однажды привелось и мне играть с Рабиновичем. Он на часах ставит мне 5 минут, как положено, а себе — минуту. Я возмущился:

— Вы меня совсем уж не уважаете!

— Не надо, Игорь. Я буду думать за ваше время.

И, вы знаете, я его почти прищучил! Но у меня упал флажок... Высшее достижение в моей шахматной карьере...

* Впрочем, и ленинградское отделение (ЛЮ ИВ АН) тоже, где шахматы в 1960–1970-е годы сменили настольный теннис (пинг-понг).
(И.С. Клочков, январь 2007)

***

В 1970-е годы в крошечной комнатке отдела Древнего Востока в Армянском переулке в Москве сидят три человека. Идет разговор. Мероист и напатеолог Исидор Саввич Кацнельсон, большой любитель французской литературы, интересуется у арабиста Юрия Николаевича Завадовского, много десятилетий прожившего во Франции, вернувшегося в начале 1950-х годов в СССР и промывавшегося несколько лет где-то в Узбекистане.

— Скажите, Юрий Николаевич, а как во Франции относятся к Анатолю Франсу?

— Да так. Вы знаете, так себе. Не очень...

Потом Кацнельсон выходит куда-то.

— Наивный человек, Игорь, этот ваш Исидор Саввич. Он думает, что во Франции еще кто-то читает Франса...

— А кого на самом деле читают, Юрий Николаевич?

— Кого? Да чёрт его знает кого. Сегодня напишет какая-нибудь 15-летняя барышня о том, как она впервые полюбила. Вот полгода ее и читают, премии литературные дают. Через год 12-летний мальчик напечатает что-нибудь. Его будут читать...

— А нормальные люди что читают?

— «Нормальные»? Какие «нормальные»? Те журналы читают... Консьержки читают газеты: кого, где и как кто убил... А Исидор Саввич тут какого-то Анатоля Франса вспомнил. Там о нём уже давно забыли. Разве что литературоведы какие помнят...

(И.С. Клочков, январь 2007)

***

В 1970-е годы в московском ИВ АНе был организован отдел по изучению роли армии в странах Востока. Это благородное дело возглавил отставной генерал Борис Григорьевич Сапожников, служивший военным советником в 1940–1950-е годы в континентальном Красном Китае. К своим обязанностям начальника отдела он относился спокойно (и не такое видал), а всё больше публиковал воспоминания «Огонь в Китае», «Китай в огне» и т.д. Но подчиненных не притеснял, напротив — всегда старался их выгородить. За это они его и любили. Войдет Сапожников в отдел, сразу кто-нибудь отдает команду:

— Господа офицеры!

Тут все (кто и штатские, но не без опыта военной службы) вскакивают, щёлкают каблуками.

— Садитесь, садитесь, — благодушно говорит генерал и сам усаживается в кресло.

И начинает жаловаться на свою домработницу (он овдовел или жена очень тяжело болела). Всё-то ей, домработнице, не так, всё не нравится. Это пропало, того нет, дороговизна. А однажды она ему прямо заявила:

— Тех денег, что вы даёте мне на продукты, их ни на что не хватает.

Тут уж генерал не выдержал и при всем честном народе возмущился:

— Это чер'т возьми что такое! Мало того, что она не умеет вар'ить бор'щ, она еще и антисоветчица!

Оргвыводов, слава Богу, не последовало.

В этом же отделе как-то проводили полужакрытое совещание по фашизму. Один из докладчиков употребил изысканное выражение «брутально-драстические методы достижения абортивного единства партии и народа». Слова эти так понравились публике, что кое-кто взял их на своё словесное вооружение и долгое время широко ими пользовался.

(И.С. Клочков, январь 2007)

***

В начале 1980-х годов под Новый год идёт по всем отделам московского Института востоковедения праздничная гуляба. Вдруг к нам, в отдел Древнего Востока, приходит Леонид Борисович Алаев и объявляет:

— В Институте проводится конкурс на лучшее сравнение деятельности академических работников с каким-либо из видов спорта. Делайте заявки.

Посыпались предложения.

— Одиночная гребля, — бесхитростно предложил Клочков.

— И всё под себя, — тут же добавил Г.М. Бонгард-Левин...

Через час-полтора вернулся Алаев ещё с кем-то, принесли шампанское:

— Ответ отдела Древнего Востока жюри признало лучшим.

(И.С. Клочков, январь 2007)

***

Ольдерогге как-то сказал студентам на лекции, что его фамилия упоминается в сочинениях Владимира Ильича Ленина.

Любознательные студенты не поленились разыскать.

Выяснилось, что это телеграмма Ленина такого содержания:
«На сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге...
А нас начали бить!... поставить на вид крайнюю неэнергичность Ольдерогге... и заменить его...»*.

Дядя Дмитрия Алексеевича Ольдерогге — Владимир Александрович — царский генерал, в 1918 г. добровольно перешел на службу в Красную Армию и командовал Восточным фронтом, впоследствии был начальником Высшей военной школы в Киеве, награжден царскими и советскими орденами. В 1931 г. расстрелян, реабилитирован посмертно в 1974 г. Отец Дмитрия Алексеевича, Алексей Александрович, военный, участник русско-японской войны, кавалер многих орденов, эмигрировал, жил в Париже, где и умер в 1940 г.

При очередных выборах в Академию наук Д.А., имея в виду свое происхождение** и беспартийность, говаривал:

— Я шансонетка — шансов у меня нет...

В 1960-х годах был выбран в членкоры, но в академики так и не прошёл.

---

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 50–51.

** Краткая поколенная роспись рода опубликована: Осницкая (ф.Ольдерогге) И.А. Фон Ольдерогге // Дворянский календарь. Справочная родословная книга российского дворянства. Тетрадь 7. ВИРД, СПб., 1999, С. 80–99.

*(Никита Севирович Чернецов, на поминках по Севиру
Борисовичу, 8 февраля 2005 г.)*

***

Аспирант-африканист Борис Лемешко напечатал в городе Бамако (государство Мали) небольшую грамматику какого-то африканского языка. Кажется, даже по-французски. И вот он ее представляет как кандидатскую диссертацию. Казалось бы чего же лучше?

— Нет, — говорят, — нельзя. На титульном листе два автора.

Борис кинулся к Ольдерогге.

— Помилуйте, какие два автора? Вы же его лично знаете, он в лингвистике ничего не понимает. Он же просто мой информант.

— Да, все так, все верно. Но правила таковы — нельзя подавать диссертацию в соавторстве с кем-то. Вот члены Ученого Совета и воспрепятствовали...

— Члены Ученого совета, члены Ученого совета... А ведь вы, Дмитрий Алексеевич, тоже тут, признайтесь, жучка сыграли.

— Это как?

— А вот так. — И с этими словами Борис складывает накрест руки перед грудью и откидывается всем корпусом назад насколько можно.

— Что это значит?

— А вот когда жучка тронешь, он опрокидывается на спинку и делает вид, что он дохлый.

Молчание, но недоброе.

— Ладно, у меня еще три месяца есть. Я новую диссертацию вам напишу.

И написал. И «обратно» провалили после такого разговора...

Ах, мужи совета, мужи совета...

(И.С. Клочков, январь 2007)

***

Эфиописта С.Б. Чернецова после окончания университетского курса долгое время не брали на работу. С нормальными распределениями на Восточном факультете всегда было плохо, а тут еще и время особое: и учитель выпускника попал под «антисоветскую статью», и дружки у выпускника, как всем было известно, не лучше «того Платонова». Словом несколько месяцев молодой специалист ходил без работы и даже без каких-то обещаний.

— Я уже хотел наняться объездчиком в Царское Село. Лошади, дрожки, — рассказывал Севир, — природа... Удержал отец, сказал: «Лес срубят, а сидеть будешь ты»...

И вот бредет Севир Борисович уныло по коридорам родного факультета и слышит:

— Севир, Севир! — зовет его издали кафедральная преподавательница Тамара Леонидовна Тютрюмова. — Мы вот тут думаем, а не послать ли вас к фульбе*? Что вы на это скажете?

— К фульбе? — переспрашивает омраченный эфиопист Чернецов. — Отчего же не послать: вполне приличное слово...

---

* Народности в Центральной Африке.

(И.С. Клочков, январь 2007 г.)

***

В конце концов приняли С.Б. Чернецова на должность машинистки при Д.А. Ольдерогге. Этим званием Севир Борисович очень тяготился. А тут еще приходят Борис Лемешко и его приятель «Жан» Логачёв и начинают дразнить:

— Плохо тебе, парень. Плохо, видим. И главное, выхода нет. А он ведь есть. Ты полюби начальника. Конечно, это трудно. Начальник — живой человек. Он, разумеется, не без недостатков. Но ты хотя бы полюби для начала саму идею начальника. Начальник как идея, как идеал... А?

(И.С. Клочков, январь 2007 г.)

***

Борис Ильич Маршак привозит в Японию на большую выставку по археологии Средней Азии предметы, хранящиеся в отделе Востока Государственного Эрмитажа, в том числе знаменитые парфянские ритоны (сосуды в виде рога для питья вина) из Нисы, орнаментированные резной слоновой костью.

Японский таможенник, усмотрев в описи вещей изделия из слоновой кости, спрашивает:

— Сэр, а у вас есть документ, подтверждающий, что отстрел слонов проводился по лицензии?

— Понимаете, — начинает оправдываться Борис Ильич, — эти сосуды изготовлены во 2-м веке до нашей эры.

— Ничего не знаю, — сопротивляется таможенник, — по японским законам ввозить в страну слоновую кость можно, только имея лицензию на отстрел слонов.

С большим трудом, объединенными усилиями дипломатов и искусствоведов, недоразумение удалось уладить. Ритоны допустили на выставку.

(В.Г. Шкода, 16 января 2007 г.)

***

Большой знаток Афганистана, проработавший там еще до всех революций и войн много лет переводчиком в экспедициях с геологами, автор грамматик шести языков Афганистана, профессор Александр Леонович Грюнберг уже во время вторжения советских войск был направлен в Кабул, в Афганскую Академию, оказать помощь в создании письменностей для бесписьменных языков этой многоязычной страны. Надо сказать, Александр Леонович еще раньше писал во всякие высокие партийные и правительственные инстанции письма об ошибочности и губительности этого вторжения. Сейчас эти обращения, содержащие анализ тогдашней ситуации в Афганистане, частично опубликованы в монументальном томе, посвященном памяти Александра Леоновича. К сожалению, «власти предрержащие» к предостережениям специалистов не часто прислушиваются, впрочем, не только у нас, но, как видно по событиям в Ираке, и в других странах.

В Кабуле Александру Леоновичу предложили дать пистолет для защиты от возможных нападений. Как и прочие наши востоковеды, он был офицером запаса, умел владеть оружием и неоднократно прыгал с парашютом.

— Первым я стрелять не буду, — отказался от пистолета профессор, — а вторым здесь стрелять бесполезно.

(Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. СПб., 2006, С. 20 и сл.)

***

10 марта 1996 г. мне позвонил А.М. Решетов и спросил, не знаю ли я о воробье как о лекарственном средстве (типа афродизиака). Прочитал ему из Тифлиси «Описание ремесел» (XII, 11: «Польза от воробья», с. 104): «Если кто-нибудь возьмет воробья, у которого длинный хвост, смешает его мозг с потом лица своего и груди, со слезами и со своим семенем и примешает к пище любого человека, тот человек влюбится в него». Заодно я рассказал ему анекдот про Ниязмухамедова, как его коллега собирался его извести, подмешав в плов мозг дохлого черного ишака. «Черный ишак эффект не дает, — возмущался Ниязмухамедов, — надо было взять мозг белого ишака!».

— Так длиннохвостого или обычного воробья мозг надо взять? — уточнял Александр Михайлович.

(И.М. Стеблин-Каменский)

Исправления и дополнения ко второй статье «Анекдоты про востоковедов»

В связи с тем, что корректуры второй статьи не было, в ней есть две опечатки:

С. 40 — предпоследняя строка: вместо *защитил* нужно *защитил*.

С. 47 — дата кончины Б.Я. Ставиского (2005) вставлена издателями и неправильна. Борис Яковлевич Ставиский умер 7 января 2006 г.

В последнем анекдоте на с. 34 говорится о Петре Ивановиче Петрове (не *Иванове*). В *Краткие биографические справки* на с. 47 следует внести:

Петров Петр Иванович (1884–1971) — иранист-историк, профессор МГУ.

В истории на с. 38–39 о загородной поездке Б.Г. Гафурова с иностранным профессором, которая, несомненно, была на самом деле, что подтверждается многими коллегами, следует добавить: таджики, «оттершие» почетного иностранца при посадке в машину и вынудившие Б.Г. вещать в пространство, в наказание были на ночь оставлены в этой фруктовой роще. Но Бободжан Гафурович действительно очень смеялся на обратном пути (тем более что в машине стало просторнее).

К с. 43 о могильниках поселения Джейтун: по сообщению Ю.Е. Берёзкина (январь 2007 г.), копавшего Джейтун несколько сезонов, никаких могильников там так и не было обнаружено, и тот детский скелетик остается до сих пор единственным антропологическим материалом с памятника.

Краткие биографические справки

Абаев Василий Иванович (1900–2001) — иранист, сотрудник ИЯ РАН.
Алаев Леонид Борисович (1932) — историк-индолог, профессор, сотрудник ИВ РАН.

Амусин Иосиф Давидович (1910–1984) — востоковед, сотрудник ЛО ИВ, профессор.

Берёзкин Юрий Евгеньевич (1946) — этнограф, археолог, сотрудник Кунсткамеры, ИИМК, Европейского университета.

Бонград-Левин Григорий Максимович (1933) — индолог, академик, профессор МГУ, главный редактор ВДИ.

Бондарко Александр Владимирович (1930) — языковед, член-корр. РАН, профессор филфака, сотрудник ИЛИ РАН.

Васильков Ярослав Владимирович (1943) — индолог, сотрудник ЛО ИВ, Кунсткамеры, профессор Востфака.

Вассоевич Андрей Леонидович (1954) — востоковед-египтолог, философ, политолог, профессор СПбГУ, педагогического университета и Духовной академии.

Гафуров Бободжан Гафурович (1908–1977) — академик, директор ИВ АН.

Грантовский Эдвин Арвидович (1932–1995) — иранист-историк, сотрудник ИВ РАН.

Грюнберг-Цветинович Александр Леонович (1930–1995) — иранист, сотрудник ЛО ИЯ, ИЛИ РАН, профессор Востфака.

Дворянков Николай Александрович (1923–1979) — иранист-филолог, сотрудник ИВ АН.

Доватур Аристид Иванович (1897–1982) — филолог-классик, профессор филфака.

Дроздов Владимир Альбертович (1960) — иранист, доцент Востфака.

Дьяконов Игорь Михайлович (1915–1999) — востоковед, сотрудник Эрмитажа, ЛО ИВ, СПб. фил. ИВ РАН.

Дьяконова Нина Яковлевна (1915) — филолог-англист, профессор филфака, вдова И.М. Дьяконова.

Ернштедт Петр Викторович (1890–1966) — востоковед, чл.-корр. АН, сотрудник Азиатского Музея — ЛО ИВ.

Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) — филолог, академик, профессор филфака, сотрудник ЛО ИЯ.

Завадовский Юрий Николаевич (1909–1979) — арабист, сотрудник ИВ АН.

Залеман Карл Германович (1849–1916) — востоковед, иранист, академик, сотрудник Азиатского Музея.

Исаев Магомед Измаилович (1928) — иранист, сотрудник ИЯ РАН.

Каплан Голда (Алла) Хаимовна (1940) — ассириолог, сотрудник ЛО ИВ.

Кацнельсон Исидор Саввич (1910–1981) — востоковед, сотрудник ИВ АН.

Клочков Игорь Сергеевич (1944) — ассириолог, доцент Востфака.

Левин Исидор Геймович (1924) — рассказовед.

Лившиц Владимир Аронович (1923) — иранист-филолог, сотрудник СПб филиала ИВ РАН.

Лившиц Исаак Григорьевич (1896–1970) — египтолог, сотрудник ИВ АН.

Марр Николай Яковлевич (1864–1934) — языковед, востоковед, академик.

Маршак Борис Ильич (1933–2006) — археолог, востоковед, сотрудник Эрмитажа.

Мещанинов Иван Иванович (1883–1967) — языковед-кавказовед, академик.

Ниязмухамедов Бабаджан Ниязович (1906–1979) — таджикский языковед, академик.

Ножка Григорий Мефодиевич — полковник в отставке, начальник отдела кадров ЛО ИВ в 1960–1980-е годы.

Огурцов Игорь Вячеславович (1937) — семитолог, политзаключенный (1967–1986).

Ольдерогге Алексей Александрович (1878–1940) — военный, отец Д.А. Ольдерогге.

Ольдерогге Владимир Александрович (1873–1931) — генерал царской и Красной Армии, дядя Д.А. Ольдерогге.

Ольдерогге Дмитрий Алексеевич (1903–1987) — африканист, член-корр., профессор Востфака, сотрудник Кунсткамеры.

Петров Петр Иванович (1884–1971) — иранист-историк, профессор МГУ.

Петросян Юрий Ашотович (1930) — историк-тюрколог, директор ЛО ИВ — СПб филиала ИВ РАН в 1960–1990-е годы.

Пигулевская Нина Викторовна (1894–1970) — востоковед, чл.-корр., сотрудник ЛО ИВ, редактор «Палестинских сборников».

Платонов Вячеслав Михайлович (1941) — африканист, политзаключенный, сотрудник Российской Национальной библиотеки.

Полосин Владимир Вячеславович (1944–2000) — арабист, сотрудник ЛО ИВ (СПб филиала ИВ РАН).

Рабинович Израиль Самойлович — индолог, сотрудник ИВ АН.

Решетов Александр Михайлович (1932) — этнограф, сотрудник Кунсткамеры.

Сапожников Борис Григорьевич (1907–1986) — востоковед, генерал, сотрудник ИВ АН.

Смирнов Александр Александрович (1883–1962) — филолог, профессор филфака.

Ставский Борис Яковлевич (1926–2006) — археолог, востоковед.

Тёмкин Эдуард Наумович (1928) — индолог, сотрудник ЛО ИВ.

Тохтасьев Сергей Ремирович (1957) — востоковед, сотрудник СПб филиала ИВ РАН.

Тютрюмова Тамара Леонидовна (1905–1987) — африканист, преподаватель Востфака.

Халфин Нафтула Аронович (1921–1987) — востоковед, сотрудник ИВ АН.

Хосроев Александр Леонович (1953) — востоковед, сотрудник СПб филиала ИВ РАН.

Чернецов Севир Борисович (1943–2005) — африканист, сотрудник Кунсткамеры, профессор Востфака.

Шкода Валентин Германович (1951) — археолог, сотрудник Эрмитажа.

Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999) — литературовед, переводчик, профессор советских и зарубежных университетов.

Список литературы

Дворянский календарь. Справочная родословная книга российского дворянства. Тетрадь 7. ВИРД, СПб., 1999.

Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб., 1995.

Индоевропейское языкознание и типология языковых ситуаций / Отв. ред. М.Н. Боголюбов. СПб., 2006.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. Изд. 5-е, июль 1919 — ноябрь 1920.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Издание подготовили Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. СПб., 2003.

Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2 изд. Кн. 1–2. М., 1995.

Раневская Ф. Случаи. Шутки. Афоризмы / Сост. Игорь Захаров. М., 2006.

Стеблин-Каменский И.М. Анекдоты про востоковедов // Scripta Gregoriana: Сборник статей в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонград-Левина. М., 2003. С. 470–486.

Стеблин-Каменский И.М. Анекдоты про востоковедов (вторая серия) // Turcica et Ottomanica: Сборник статей в честь 70-летия М.С.Мейера. М., 2006. С. 30–48.

Тифлиси — Хубайш Тифлиси. Описание ремёсел / Пер. с перс., введение и комм. Г.П. Михалевич. М., 1976.

Халфин Н.А. Победные трубы Майванда. М., 1980.

Шафеев Д.А. Краткий грамматический очерк афганского языка // Зудин П.Б. Русско-афганский словарь. М., 1955. С. 1035–1174.

Список сокращений

- ВДИ — Вестник древней истории
Востфак — восточный факультет СПбГУ (ЛГУ)
ВСХСОН — Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (России).
ИВ АН — Институт востоковедения Академии наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН
ИЛИ — Институт лингвистических исследований РАН (ЛО ИЯ АН)
ИСАА — Институт стран Азии и Африки при МГУ
ИЯ РАН — Институт языкознания РАН (Москва)
ЛО ИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения (СПб филиал ИВ РАН, Азиатский музей).
ЛО ИЯ — Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук (с 1991 г. — ИЛИ РАН).
МГУ — Московский государственный университет
СПбГУ (ЛГУ) — Санкт-Петербургский (Ленинградский) государственный университет
СПб филиал ИВ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН (Азиатский музей).
Филфак — филологический факультет СПбГУ

БАЙКИ ОТ ПРОФЕССОРА В.М. КУЛЕМЗИНА

Александр Михайлович в Томске был в конце мая 1987 г. Однажды нас пригласила в гости Элеонора Львовна Львова. Мы, то есть я, Марьям Усманова, хозяйка и хозяин Горий, Надежда Васильевна Лукина, уселись за стол. Надо же беде случиться, что Надежда Васильевна поперхнулась и стала кашлять. В порядке поощрения сибирского деревенского обычая кулаком бить по спине в таких случаях, я стал это делать, но кашель не проходил. Тогда я сказал, обратившись к Наде: «Повернись спиной к Александру Михайловичу, и суповая кость сразу выскочит». Когда кашель кончился, то был открыт диспут, отчего же такая напасть. Хозяин высказал предположение, что это случилось из-за отсутствия привычки есть без спиртного: уже пошел второй год сухому закону. Виновником был признан Е.К. Лигачев, то есть теоретик сухого закона.

На следующий день примерно этим же составом мы поехали в гости к Марьям Усмановой. Ехали долго, куда-то за микрорайон Коштак, который какой-то остряк назвал Малой Землей, так как строился он в период Л.И. Брежнева. Вот мы приехали и вошли в квартиру хозяйки. Все стали надевать домашнюю обувь, остались тапки, которые никто не надел. Александр Михайлович посмотрел на них с высоты своего роста и сказал: «Эти тапки велики даже мне». Так осталось тайной, кому принадлежали эти тапки. А любой мужчина давным-давно бы проболтался, даже в условиях сухого закона. Виновником был признан Л.И. Брежнев, практик сухого закона.